

А.А. Дудин

МОЛОДИНСКАЯ БИТВА

Александр Дудин
Молодинская битва

«Научная библиотека»

2016

УДК 908
ББК 63.3(2)

Дудин А. А.

Молодинская битва / А. А. Дудин — «Научная библиотека», 2016

ISBN 978-5-9908377-5-1

В книге рассказано о Молодинской битве 1572 года, которая произошла в Чеховском районе Московской области. Значение битвы рассмотрено во взаимосвязи с целым комплексом внешних и внутренних исторических событий Московского государства. Это исследование позволяет понять результаты правления Ивана Грозного, по достоинству оценить значение Молодинской битвы. Это сражение стоит в одном ряду с многолетним противостоянием Московской Руси и наследницы Золотой Орды – Крымского ханства, в ряду событий повлиявших на становление государственности в эпоху Ивана Грозного. Битва у села Молоди оказала на эти исторические процессы решающее влияние. Для широкого круга читателей.

УДК 908
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9908377-5-1

© Дудин А. А., 2016
© Научная библиотека, 2016

Содержание

Обращение к вдумчивому читателю	5
Глава 1	6
«Много людей помроша». Русь накануне Молодинской битвы	7
Голод	7
Чума	7
Последствия вторжений татар	7
Опричное окружение царя	8
Личность Ивана Грозного	10
«Сам. Московит принимает меры». Внешнеполитические усилия Ивана Грозного накануне Молодинской битвы	13
Западное направление (Речь Посполита)	13
Северное направление (Швеция)	14
Северо-западное направление (Англия)	16
Крымское направление внешней политики	16
Крымское ханство накануне Молодинской битвы	17
Глава 2	21
«В Москву на царство». Планы Дивлет-Гирея	21
«На берегу». Подготовка к битве	24
Оборонительные укрепления	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Дудин

Молодинская битва

Обращение к вдумчивому читателю

Вся история нашего Отечества, будь то Древняя Русь или Советский Союз, проходила в борьбе, в борьбе с внешними агрессорами, в борьбе за собственное выживание или, выражаясь умным политологическим языком, за суверенитет. Современным жителям нашей страны необходимо знать и помнить каждое из этих событий в военной и политической истории России, как общеизвестные, так и малоисследованные.

Обращение к вдумчивому читателю не случайно, ибо только по настоящему вдумчивый и грамотный человек готов открывать для себя все новые и новые факты отечественной истории.

Моей задачей в настоящем издании является освещение одного из малоизвестных событий в истории нашей Родины; малоизвестного, но именно благодаря этому событию русскому народу удалось в очередной раз отстоять свою независимость и спасти Русь от неминуемого поражения и завоевания недружелюбным соперником.

Это событие произошло в тех местах, где я родился, вырос и продолжаю жить. Это – моя малая родина, это Чеховский район Московской области. А событие, о котором я хочу поведать – битва у села Молоди 1572 года.

Это событие стояло в одном ряду многолетнего противостояния Московской Руси и наследницы Золотой Орды – Крымского ханства, в ряду становления государственности в эпоху Ивана Грозного. Событие у села Молоди оказало на это противостояние решающее влияние, надолго умерив амбиции крымских ханов и создав на двадцать лет спокойную обстановку на наших южных границах.

В настоящем издании я постараюсь рассказать о Молодинской битве 1572 года во всех возможных ракурсах и аспектах в связи с целым комплексом внешних и внутренних событий в Московском государстве эпохи Ивана Грозного. Надеюсь, это позволит читателю понять эпоху Ивана Грозного со всеми ее плюсами и минусами и по достоинству оценить значение Молодинской битвы.

С искренним уважением к вдумчивому читателю, решившему освоить настоящее издание

Александр Дудин

Глава 1

«Крым снова будет там».

Подготовка к новому вторжению

Накануне рассматриваемых событий в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей вторгся в наши южные пределы, дошел до Москвы и пожег ее. Намерения его в следующем 1572 году были куда более определенными.

О том, что грядущая агрессия Крымского ханства, является вопросом времени, было ясно не только в Московской Руси, но и за ее пределами. 8 августа 1571 года английский посланник А. Дженкинсон сообщал о тяжелом положении Руси после *«справедливого наказания для такой дурной нации»* (так он охарактеризовал события 1571 года). Сообщая в Англию это широко распространенное мнение, посланник предсказывал, что *«без сомнения, Крым будет снова там на следующий год»* [26].

15 июня 1572 года императору Священной Римской империи Максимилиану II сообщали о создавшейся на границах Руси напряженной обстановке следующее: *«Татары... прорвались на Волынь, совершенно опустошив вдоль и поперек... Собирается очень много татар для того, чтобы, если им будет приказано, вторгнуться в Польшу или в Московию... Ожидают с напряженным вниманием нападения татар на Польшу, Молдавию и московские владения»* [26].

«Много людей помроша». Русь накануне Молодинской битвы

Положение на Руси было очень сложным и тяжелым. Последствия опустошительного вторжения 1571 года, а также эпидемии чумы по-прежнему сильно ощущались. Лето 1572 года было сухим и знойным, отмечался падеж лошадей и рогатого скота. *«Добри пали лошади по дорогам и деревням, и рогатой живот до дворех и по дорогам»* [14.117].

Голод

Сильно давал о себе знать голод, серьезные затруднения в снабжении испытывали войска. Перебежчик Кудеяр Тишенков рассказал крымскому хану, что *«на Москве и во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великий»*. *«На Москве был мор и по всем градом русским; а в осьмом гор и млад»* [42.144.4].

Чума

В 1572 году над Русью вовсю свирепствовали отравленные ветры чумы. Смертоносное поветрие накатывалось одновременно из Персии и Германии. Альберт Шлихтинг, служащий царского лейб-медика, опытного бельгийского врача Лензея, вместе со своим господином пережил московскую эпидемию и свидетельствовал об этом [42.143.1]. Другой очевидец, служилый немец Г. Штаден, также отмечает, что в Москве была чума [42.143.1]. Опустошительная сила этой эпидемии хорошо видна из царской челобитной архимандрита Троице-Сергиевского монастыря Феодосия: *«...во всей Троицкой вотчине стало божье посещение: крестьяне от глада и от поветрия вымерли...»* [2.429]. Чума охватила 28 городов в Центральной и Северо-Восточной России [14.101,106; 42.143]. Из центральных и западных районов чума быстро распространилась на северные и восточные районы, захватив Вологду и Устюг [42.143]. В Устюге за время эпидемии умерло 12 тысяч посадских людей. *«На Устюзе на посаде померло, скажут, 12 тысящ, опроче попов осталось на посаде шесть»* [42.143.4].

Власти пытались бороться с эпидемией посредством драконовских мер. По всем дорогам были устроены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах, вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чужие дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми [42.144]. *«Много людей помроша, а которые побегоша из града и тех беглецов имаша и жгоша»* [42.144.3].

Последствия вторжений татар

В 1571 году Московская Русь подверглись жесточайшему разорению крымских татар под предводительством хана Девлет-Гирея. Результатом этих бедствий было невиданное разорение страны. [42.144]. Сохранившиеся поземельные описания этого времени зафиксировали подробные сведения о массовом разорении, бегстве и гибели крестьян в тот период. Процент пустых крестьянских угодий на поместных землях близ Новгорода возрос до 60,28 % [42.144–145]. Это значит, что на новгородских землях разорились примерно половина или несколько больше крестьянских хозяйств. Когда в 1571 г. чиновники прибыли в Шелонскую пятину *«добирать пустоту»*, жители сообщили им: *«запустели у нас де деревни от податей, и з голоду люди померли, а иные з голоду люди поразошлись»*

[14.144.145]. Писцы, прибывшие в Рождественский Сиверский погост, записали: «*Запустил... тот... погост от лихого повитрия, а детей боярских – помещиков и крестьян в том Усть-Сиверском погосте нет с тех лет и по ся места никакого жила*» [14.145.2].

Опричное окружение царя

Стихийные бедствия и татарские набеги причиняли стране неопишуемые страдания. Но опричники были для населения страшнее татар. В источниках есть много указаний на то, что с течением времени в опричнине дисциплина падала, и опричник стал вырождаться в простого разбойника [42.145]. Царь Иван оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить неправду бояр-правителей, злоупотребления судей и т. д. На деле же опричнина нередко приводила к неслыханному произволу.

Самым обширным полем злоупотреблений опричнины служили так называемые политические дела. Опричник мог схватить земца за шею и, отведя в суд, пожаловаться, будто бы тот «*позорит его на всю опричнину*». В таких случаях истец, как правило, получал имущество земца, а арестованного ждали верная тюрьма и плаха [42.146]. Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени «*новгородского изменного дела*».

Во время описываемых событий в опричнине произошло обновление руководящего состава. После казни опричных дворян Басмановых царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать наиболее вопиющие злоупотребления опричников. «*По своей прихоте и воле, – повествует Штаден, – опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил «довольно»!*» [42.147]. Телега опричного правосудия сделала настолько крутой поворот, что под ее колесами оказались очень многие видные опричники. В феврале 1571 г. царь велел судить за уголовные преступления члена опричной думы князя В. И. Темкина-Ростовского. Как выяснилось на суде, опричный боярин отказался выплатить крупный долг дьяку Н. А. Парфеньеву и убил его сына. «*...Бил челом государю царю и великому князю Микита Оксеньтев о сына своего убитой голове*» [42.147.4].

Специальная судная комиссия во главе с князем М. Т. Черкасским доложила дело царю, который приказал «*за сына ево (Парфеньева – А.Д.) убитую голову и за долг на боярине на князе Василье Темкине-Ростовском взять 900 рублей денег*» [42.147–148].

Одновременно суд удовлетворил иск сына боярского В. И. Волкова, которому В. И. Темкин-Ростовский отказался вернуть долг в размере 150 рублей. В счет этого долга у Темкина была конфискована последняя треть села Олферовского [42.148].

Необычный приговор суда можно объяснить многими обстоятельствами. Прежде всего, казнь Басмановых и Вяземского разрушила круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Далее в дело вмешался царь, который любил показную строгость и создал себе репутацию поборника справедливости. Помимо всего прочего, Грозный примерно наказывал опричных, чтобы примириться с земщиной.

После отставки старого руководства царь приказал судьям строго расследовать преступления своих людей. Земцы поучили право опротестовать в судебном порядке неверно составленные долговые расписки и кабалы. «*Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, – писал Штаден, – земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников*» [42.148].

В эти годы существования опричнины, ставшие, по мнению большинства исследователей, ее последними годами, произошло полное обновление состава опричного правительства.

При Басманове безраздельным влиянием в опричнине пользовались традиционные московские роды. После «новгородского дела» ее место постепенно занимают удельные князья (Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский) и представители высшей титулованной знати (кня-

зья Пронские, Суздальские-Шуйские, Оболенский, Стародубский, Хованский). Подготовив почву для окончательной расправы со старой опричной гвардией, Иван Грозный стремился обеспечить себе поддержку тех сил, которые более всего пострадали от опричных порядков.

В то же время он выставлял прежних руководителей опричнины единственными виновниками насилий и злоупотреблений опричнины. Наказание их должно было послужить прологом к «примирению» царя с земщиной и полной ликвидации опричных порядков. Тем же целям служило зачисление в опричнину лиц, семьи которых пострадали от опричного террора. В этом плане следует рассматривать зачисление в опричнину некоторых видных представителей рода князей Суздальских, Стародубских и Оболенских.

Последнее опричное правительство отличалось одной характерной особенностью. Вошедшие в нее представители титулованной знати были в большинстве людьми сравнительно молодыми. К примеру, будущие опричные бояре князья Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, С. Д. Пронский служили есаулами в полоцком походе, всего лишь за два года до введения опричнины [42.153]. Они все время опричнины были в тени и ничем не скомпрометировали себя. В политическом отношении большинство из них было людьми совершенно бесцветными. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей или молодых ротозеев [42.153]. Титулованная молодежь принадлежала ко второй категории. Ее роль в известной мере сводилась к внешнему представительству.

Из всех опричных думных дворян наивысшего могущества в эти годы достиг М. Л. Скуратов-Бельский. Сосватав Марфу Собакину, он, по-видимому, породнился с царской семьей [42.153]. Такое предположение объясняет нам, почему после свадьбы Малюта был назначен на пост второго дворового воеводы, один из высших воеводских постов, на который он пока еще никак не мог претендовать. Еще в сентябре 1570 г. Скуратов числился четвертым по списку дворян в царском стане, в январе 1572 г. он назван первым среди дворян, *«которые живут у государя в думе»* [17.100]. Интересно, что родня Скуратова получила первые почетные назначения в свите царя только осенью 1570 г. Назначение дворовым воеводой весной 1572 г. было венцом служебной карьеры Скуратова. Как дворянин «ближние думы царя» Малюта с начала 1572 г. участвовал в ответственных дипломатических переговорах с Крымом и Литвой [42.154]. Скуратов стал играть выдающуюся роль в опричнине благодаря чрезмерному усилению политических дел, расследованием которых он руководил. Царь слепо доверял Малюте и видел в нем своего всегдашнего спасителя. Руками Скуратова царь расправился со старой опричной гвардией. Подручные Малюты казнили Басманова и подавили все признаки недовольства внутри опричнины. К описываемому времени Скуратов не только не утратил своего влияния, но, напротив, достиг наивысшего могущества.

В период всевластия Скуратова при опричном дворе с успехом подвизались всевозможные проходимцы и авантюристы, к разряду которых принадлежал и сам Малюта. Большое влияние на Ивана Грозного приобрел в то время вестфальский астролог и медик Бомелей. Будучи в Англии, Бомелей был заключен лондонским архиепископом в тюрьму за колдовство. Из тюрьмы он писал канцлеру о бедствиях, будто бы угрожавших Англии, и утверждал, что он один знает средство предотвратить их. По просьбе русского посла Бомелей был освобожден из темницы с условием, что немедленно покинет страну. Вместе с послом он приехал в Москву летом 1570 г. [41.157.5]. В 1571 г. он стал лейб-медиком и придворным астрологом. Курбский не раз упрекал за это царя. *«Яко нам zde поведают (не веем, есть ли правда), – писал беглый боярин, – чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающее их о счастливых днях»* [41.157.5]. Бомелей умело использовал подозрительность царя, предсказывал различные беды и советовал, как избавиться от них. Как писал английский посол, царь видел, что *«каждый новый день угрожает более прежнего дня его*

безопасности, и, не зная, как ему избежать и уйти от беды, совещался с Елисеем Бомелем... хитрым обманщиком, английским врачом, известным математиком и «магиком» [41.158.1]. По своим нравственным качествам новый царский медик стоял на одном уровне с Вельскими. Он приготавливал яды для отравления впавших в немилость придворных и собственноручно их умертвлял [41.158]. Бомелей снискал мрачную славу на Руси. Отзвуком ее может быть рассказ псковского летописца о «лютом волхве» Елисее, который «положи на царя страхование» и «много множества роду боярского изусту убити цареви, последи же и самого (царя – А.Д.) приведе наконец, еже бежати в Аглицкую землю и тамо женился, а свои было бояре оставшие побитии» [41.158]. Справедливости ради заметим, что рассказ Псковской летописи грешит преувеличением. Во-первых, мысль о бегстве в Англию родилась в голове Грозного за много лет до знакомства с Бомелеем. Во-вторых, немецкий астролог прибыл в Россию, когда опричный террор пошел на убыль.

Личность Ивана Грозного

Характеристика опричного правительства была бы неполной без упоминания личности самого царя.

Для суждения о личности Ивана Грозного самым надежным основанием служат, пожалуй, его многочисленные литературные сочинения. В своих писаниях Грозный предстает как человек, от природы наделенный острым умом. Его достоинства весьма необычны для людей его положения. Это публицистический талант, большой политический темперамент. При чтении переписки царя с Курбским трудно отделаться от впечатления, что первый как борец и писатель был на голову выше даже самых талантливых своих противников.

Отзывы современников о Грозном весьма противоречивы, но почти все они признают за ним острый ум и бесспорную образованность.

Дьяк Иван Тимофеев, строго критиковавший царя за жестокость и мнительность, отдает дань его достоинствам: царь Иван «крепок во бранех и многоумен зело о всех, во всем роде своем изряден был премудрестию», «добре... он грамотечное о истине по Философех научение сведый, к сим же и внешнее немнение» [41.158–159]. В апологетических тонах отзывался о Грозном неизвестный автор «Повести книги сея от прежних лет» начала XVII в.: «Муж честного разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречен зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен» [41.159.1]. Знавшие царя иноземцы отмечают его природный ум и открытость. Австрийский посол Даниил фон Букау писал что царь «ума необыкновенного» [41.159]. Примерно также отзывались о Грозном итальянец Фоскарини, английский посол Д. Горсей и литовский А. Харитонович.

Было бы неверно игнорировать все приведенные мнения о личности Грозного и его необычных достоинствах.

Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она никогда не была делом исключительно его ума и энергии. В важнейших событиях опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступают целая плеяда деятелей практического склада: Басманов и Вяземский, позже Малюта Скуратов и прочие руководители опричного правительства. На первый взгляд, все эти люди кажутся послушными исполнителями распоряжений Грозного, его призола. Но подлинное их влияние на опричную политику было исключительно велико.

С течением времени все большее значение в политической жизни государства приобретал новый важный элемент – всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. На протяжении всей опричнины он жил затворником в Слободе под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять

даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно поддерживали в нем его подозрения.

Иван Грозный. Гравюра из немецкого «Летучего листка», XVI в.

Чрезмерная подозрительность Грозного отчасти объясняется патологией его личности. В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В ближайшие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начинает настойчиво искать опытных врачей в заморских странах. После нашествия опричнины на Новгород бог *«болети неисцелно ему сотвори»* [41.161.1]. Исследования М. М. Герасимова обнаружили, что в последние годы царь Иван был поражен тяжелым недугом. Вследствие значительного отложения остеофитов на костях позвоночник Ивана лишился подвижности, весь его торс оказался как бы в жестком корсете. Остеофиты вызывали приступы

чрезмерной, длительной боли. По мнению М. М. Герасимова, болезнь развилась в последние пять-шесть лет жизни Ивана.

Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он приходил *«как бы в безумие»*, на губах его выступала пена, он *«бесился на встречных»* и т. д. [41.161.2]. Австрийский посол, описывая внешность царя, вскользь упоминает о том, что Иван, как и все московитяне, имел лицо *«багровое и красное как кровь»* будто бы от того, что ударял челом в землю на молитвах. Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя связаны были, по-видимому, с какой-то нервной болезнью. Дьяк Тимофеев пишет, что царь *«в ярости удобь подвижен бе, купно по естеству и за гнев»* [41.161.3].

«Сам. Московит принимает меры». Внешнеполитические усилия Ивана Грозного накануне Молодинской битвы

Молодинская битва, безусловно, считается одним из самых значительных для Руси XVI века, важным моментом в борьбе Русского государства против крымско-татарского нашествия, серьезным шагом вперед в развитии русского военного искусства, а также важным этапом в развитии международного положения Руси. Накануне 1572 года Иван Грозный предпринял по возможности значительные усилия на международной арене по всем направлениям своей внешней политики.

Западное направление (Речь Посполита)

В свое время, начиная Ливонскую войну с Речью Посполитой (Польшей) Иван Грозный сразу же столкнулся с очень серьезной проблемой – у него не удавалось сосредоточить все свои силы в этой войне, так как очень значительную часть войск приходилось держать на южном направлении. Наиболее энергичными были действия русских войск в Ливонии в течение 1558–1560 гг. Князь А. Курбский, рассказывая о действиях русских войск в Ливонии, отмечает, что еще в 1560 г. русских войск в Ливонии было мало, потому что они были отвлечены борьбой с татарскими набегами [38.23–24]. Нельзя сказать, чтобы до 1572 г. русские войска не предпринимали тут совсем никаких значительных действий, но действия эти не были планомерными и не доводились до конца. Это привело к крушению проекта, целью которого было создание в Ливонии вассального королевства под эгидой царя. Авторы проекта опричные дипломаты И. Таубе и Э. Крузе после сожжения Москвы татарами в 1571 году вступили в секретные переговоры с литовским правительством. Через своего тайного комиссара Д. Каля они обещали литовцам, что захватят Юрьев и предадут его королю, если за это *«будут пользоваться такими же почестями и именами (в Польше – А.Д.), какими пользовались у великого князя»*. Король ответил согласием. Польские войска в Ливонии получили приказ оказать мятежникам военную помощь. Мятеж в Юрьеве произошел 21 октября 1571 г. И уже 24 октября И. Таубе и Э. Крузе обратились с письмом к шведскому военачальнику в Ливонии, извещая его о своем разрыве с царем [42.445]. Русский гарнизон подавил выступление за два часа. Но инициаторам мятежа И. Таубе и Э. Крузе удалось бежать в Литву. Король Сигизмунд пожаловал И. Таубе земли и замки, а также баронский титул. Измена любимцев поразила царя Ивана. Сначала он обратился к беглецам с пространными увещеваниями, прося их вернуться в Россию [42.445], затем стал требовать их выдачи, а получив отказ, велел казнить многих ливонских пленников.

Эти события происходили на фоне формально существовавшего с 1570 года перемирия между Россией и Речью Посполитой, которое постоянно нарушалось [42.445]. Вассал Ивана Грозного герцог Магнус опустошил окрестности литовского города Пернов. Русские выстроили недалеко от Вильны замок Таурус и поставили в нем гарнизон. Военные действия на западной границе могли возобновиться в любой момент. Однако угроза татарского вторжения вынудила русское правительство искать более надежного мирного урегулирования с поляками.

На этом фоне царь активизировал дипломатические переговоры. 10 января 1571 г. в Польшу было направлено посольство в составе князя И. М. Канбарова, князя Г. Ф. Мещерского, князя Г. В. Путятина и дьяка П. Протасьева. В царском наказе посольству, помимо прочего, было указано *«беречь накрепко, чтобы Король на обеих грамотах крест целовал*

в самой крест прямо губами, а не в подножие и не мимо креста, да и не носом» [24.135]. Послы (кроме И. М. Кансарова, умершего в пути) 22 апреля прибыли в Варшаву. 2 мая состоялась аудиенция, а 8 мая состоялась присяга при подтверждении «*перемирных*» грамот. 29 июня послы вернулись в Москву. Они объявили, что поляки и литовцы желали выдать за Государя королевскую сестру Софью, а царевича Ивана хотели просить в польские короли по причине старости дряхлости и бездетности короля.

Иван Грозный повелел для продолжения переговоров прислать польских послов в Псков, куда намеревался приехать сам к Петрову дню (29 июня). Король же Сигизмунд II Август хотел их прислать только в октябре [24.137]. Спор о сроке присылки послов, очевидно, не случаен. Не тогда ли хотел прислать их король Сигизмунд, когда определился бы результат татарского нападения на Москву?! В любом случае Сигизмунд об этом уже не узнал, так как 29 июля 1572 года он скончался [24.137].

Северное направление (Швеция)

Находясь перед перспективой борьбы на два фронта, Русь стремилась как-то урегулировать свои отношения со Швецией, чтобы обеспечить себя с этой стороны и сконцентрировать силы на юге государства. Замирившись с Польшей, Иван Грозный решает заключить временное перемирие и со Швецией.

Но прежде всего, осенью 1571 г. Грозный ультимативно потребовал от короля присылки в Москву новых послов, взамен задержанных накануне в Муроме. Если они не придут, писал царь, мы, взяв твоих первых послов, хотим *«своего царского величества двором в свейских островах витати, о том и тебя от своих уст хотим вспросити, которым обычаем такие непотребства в твоей земле учинились»*. В конце 1571 г. царь с боярами приговорил идти войной на «*непослушника*» Юхана III «*за его неисправление*» [17.207]. Царь с войсками прибыл в Новгород, отряды татарской конницы перешли русскую границу и стали разорять Финляндию [17.221,224]. Поскольку шведы новых послов не присылали, Иван Грозный решил отпустить на родину старого посла епископа Павла Абоского.

ния: «... всем быть Ягану королю у царьского величества в его воле... не отступну». Король должен был послать на царскую службу отряд в 1500 человек. «А без Ливонские земли, – писал царь шведу, – тебе ничем нашего государьского величества не умолити... и что тебе не писати, и тем тебе твоей земле не защитити» [17.212–213, 222]. Нисколько не соображаясь с реальным положением дел, Иван Грозный надеялся превратить Юхана III в такого же «головника»-вассала, как и ливонский король Магнус. Царь требовал, чтобы шведский королевский титул был включен в царский титул, а город Ревель немедленно передан России. Шведский посол отверг абсурдные требования царя и письменно обязался в следующем:

– Швеция немедленно направит в Новгород послов, которые подпишут мир с новгородским наместником;

– король будет беспрепятственно пропускать через свои владения купцов и мастеров на Русь и с Руси;

– шведское правительство выплатит контрибуцию в десять тысяч талеров, снарядит на царскую службу вспомогательный отряд в 200 конных стрелков и пришлет мастеров для разработки серебряных руд [17.210–216, 219–221]. Безусловно, шведский посол не рассчитывал на то, что его правительство выполнит подписанные им обязательства, он всего лишь пытался отвести угрозу войны от шведских границ и выбраться из России.

24 декабря 1571 года царь приехал в Новгород. После переговоров «по челобитью» шведов было решено заключить перемирие до Троицына дня (1 сентября) 1572 года. Из Новгорода Иван IV выехал 18 января 1572 г. [27.12–14].

Северо-западное направление (Англия)

Заботой об укреплении внешнеполитических позиций России следует, по-видимому, объяснить и улучшение отношений с Англией. Тут речь шла о восстановлении торговли с Россией через созданную англичанами Московскую компанию. По этому поводу шли переговоры Ивана Грозного с посланником А. Дженкинсоном 23 марта 1572 года в Александровской слободе и 13 мая этого же года в Старице. Это, безусловно, не решало вопроса о союзе с Англией, но не могло не способствовать в определенной мере некоторому улучшению внешнеполитического положения России. Иван Грозный в переговорах с А. Дженкинсоном отказался от своих прежних политических расчетов на Англию, оставив за собой право снова поднять вопрос о военном союзе.

Крымское направление внешней политики

После разорительного нападения Девлет-Гирея в 1571 году и сожжения Москвы Османская империя и Крымское ханство предъявили новые, совершенно неприемлемые требования, выраженные в ультимативной форме. Принятие их означало бы фактически превращение России в турецкого вассала – передача Астрахани Османской империи, Казани – Крымскому ханству, переход Ивана Грозного «под начало да в береженье» к султану [26]. На эти требования султан Селим II дал ответ лишь после нападения крымского хана на Москву в 1571 году. Причем султанская грамота была отправлена Ивану Грозному уже в следующем 1572 году как раз во время нового похода крымского хана Девлет-Гирея.

Эта непростая внешнеполитическая ситуация использовалась и правителями Крымского ханства. В середине лета 1572 года Крымский хан через своего посланника Девлет-Килдея, а затем через другого посланника Яна Магмета требовал уступки Казани и Астрахани. В случае отклонения крымских притязаний он намеревался в союзе с «*королем*» Речи Посполитой непрерывно «и зиму и лето» воевать Русь [26]. При этом как выясняется, под «*королем*» имел в виду государство вообще, поскольку после смерти 7 (18) июля 1572 года

короля Сигизмунда II Августа, о чем Иван Грозный узнал в Новгороде в конце июля – начале августа, наступил период «бескоролевья».

Девлет-Гирей угрожал новым походом. В связи с этим он сообщал Ивану Грозному через Девлет-Килдея, что *«государства твоего дороги видел и опознал»* [26], а в другом случае передавал с Яном Магметом, что *«пришед к Москве, стану против Москву»* [26]. Также Девлет-Гирей планировал захватить Казань и Астрахань, куда посадить «царем» царевича Адыл-Гирея.

Оценка рядом историков внешнеполитического курса Ивана Грозного не всегда объективна, поскольку не учитываются многочисленные факторы и обстоятельства, влияющие на принятие того или иного решения. Применительно к описываемым событиям позиция, занятая русским правительством, была вынужденной и определялась конкретными историческими условиями. В Москве, конечно, понимали, что удовлетворение ханских требований в отношении Казани и Астрахани не приведет к установлению нормальных отношений между Русским государством и Крымским ханством, так как Девлет-Гирей этим не ограничится. По тайным сведениям Яна Магмета: *«а хоти ныне князь великий и отдаст Казань и Астрохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманской хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати же»* [26].

И если Иван Грозный все же пошел на обсуждение всех этих вопросов, то это объясняется тем, что он рассчитывало посредством отдельных уступок и длительных переговоров предотвратить новое выступление Крыма или выиграть время с тем, чтобы накопить силы, подготовиться и с успехом противостоять натиску врага. При этом прослеживается прямая связь между русско-крымскими отношениями и театром военных действий в Прибалтике (Ливонская война).

21 января 1572 года Иван Грозный возвратился из Новгорода и приказал доставить в село Братовщину крымского посла Яна Болдуя из Владимира, и гонца Яна Магмета, *«и с ним татар до трехсот мужей, просящи обыкновенных казны и мир утвекрждаючи»* [10.138]. Своеобразно описывает поведение царя по отношению к крымским посланцам исследователь Андрей Лызлов: *«...повеле послов оных татар всех посеци, а начальным их повеле обрезать губы, носы, уши, и тако отпусти их к хану. Вместо же даров посла к нему секиру, глаголющи, яко тою секирою глава его отсечена будет»* [10.138]. Однако же, нигде в других источниках не упоминается о таком «результате» переговоров. Тем не менее, именно от этих переговоров Андрей Лызлов выводит обычай присутствия во время переговоров вооруженных секирами царских телохранителей – рынд [10.138].

Весьма отчетливо объясняется взаимосвязь событий на южном и западном фронтах в царской грамоте Ивана русским послам в Крыму А. Нагому и Ф. Писемскому: *«По вашему есмя письму крымских гонцов позадержали, а сами есмя в то время ходили в свою отчину в Великий Новгород для Свейского дела, что б нам поуправитца в то время Свейскими рати к лету прибавити. И рать свою всю и прибыльные люди поопростали к берегу и мы крымских гонцов ко царю отпустили»* [26]. Эту связь двух направлений русской внешней политики отмечали и западные дипломаты.

Кароль Рим, доносивший 17 июля 1572 г. императору Максимилиану II о новой татарской опасности, сообщал также, что *«сам Московит принимает меры против этого и, говорят, не только продлил мир с поляками, но и заключил мир со шведами, чтобы не быть связанным и напасть на татар и турок»* [26].

Крымское ханство накануне Молодинской битвы

В главе 19-й сочинения «О государстве русском» Джильс Флетчер описывает внутреннее положение Крымского ханства как очевидец этих событий [47.75–85]. Начинает описа-

ние Крымского ханства Флетчер с событиями 1571 года, когда Девлет-Гирей пошел походом на наше государство и сжег Москву [47.75–76].

Главной причиной непрерывных конфликтов между русскими и крымцами Флетчер считает *«некоторые пограничные земли, на которые имеют притязание Татары, между тем как ими владеют Русские»* [47.76]. Это территории Казани и Астрахани, накануне взятые Иваном Грозным. Более того, Флетчер как человек посторонний и не знающий всей истории русско-татарских отношений, делает очень интересный вывод. Говоря, что крымчане помимо Казани и Астрахани претендовали и на саму русскую столицу Москву, Флетчер считает это требование справедливым. В качестве доказательства такой, казалось бы, невообразимой мысли Флетчер описывает обряд, который *«Русский Царь должен был повторять каждый год в знак своего подданства Великому Хану Крымскому»* [47.76]. Также доказательством справедливости притязаний являются «выкуп», регулярно направляемый русским царем в Крым [47.76].

Помимо выкупа, основным доходом крымских татар были постоянные набеги [47.76–79]. Этим довольно часто пользовались соперники Руси, направляя и подталкивая татар к более частым нападениям на Русь. В частности, накануне 1572 года это часто делал польский король.

Благодаря его неустанным усилиям в 1570 г. 50–60 тысяч татар во главе с царевичами Магмед Гиреем и Али Гиреем приходили на рязанские и каширские места [38.430].

Татарский воин

В 1571 г. польский король вновь призывал Девлет Гирея к решительным действиям, упрекая его в том, что в течение трех последних лет он не причинил великому князю московскому *«никакой шкоты»*, *«в земле московской замку ни одного не взял и ему (королю – А.Д.) не отдал»*, а требует уплаты поминок [38.430]. В этом году Девлет Гирей осуществил, наконец, большое вторжение, проник через засечную черту, р. Оку, дошел до Москвы и сжег ее [38.430; 47.75–85]. Одновременно с крымцами в качестве их союзников Большие ногаи совершили нападение на Татюши и Алатырь. Московские гонцы в Крым Севрюк Клавшов и Ив. Мясной (1572 г.) должны были изображать этот набег ногаев как действие казыевцев, отколовшихся от Большой ногайской орды. Гонцы должны были говорить, что *«ногайская орда великая, а люди в ней большие, где хотят тут и служат»*. Царь Иван Грозный послал ногайскому князю Тинехмату *«свое гневное слово»*, и князь Тинехмет и мурза Урус будто бы хотели отыскать нарушителей мира, казнить их и все захваченное вернуть [38.430].

Таким образом, годы 1568–1572 гг. образуют наиболее опасный для Московского государства период татарских нападений. Если в предшествующие годы татары действовали только в качестве союзников польского короля, то теперь они ставят перед собой самостоятельные цели. Можно говорить о новой войне, войне с татарами и турками, которую московскому государству пришлось вести одновременно с войной Ливонской.

Глава 2

«Русские рассчитывали оказать сопротивление». Подготовка к сражению

«В Москву на царство». Планы Девлет-Гирея

Нет оснований сомневаться в целях Крыма в предстоящей военной компании. Это – не только завоевание Казани и Астрахани, но и последующий захват, расчленение и разграбление Руси.

Девлет-Гирей публично объявлял, что едет «в Москву на царство» [14]. Андрей Курбский писал, что хан «*хотяще уже до конца спустошите землю оную и самого того князя великого выгнати из царства его, и поиде яко лев кровоядец, рыкая, розиня лютую пащеку на пожорение християны*» [9.286]. «*Царь Крымской пришед с похвалою, хотя грады разоряти и христианство погубляти*» [23.92]. Крымчане настолько были уверены в своем успехе, что уже считали себя властителями Москвы и «*улицы на Москве росписали, коемуждо мурзе коя улица*» [33.393].

Генрих Штаден в своих записках дает обобщающую характеристику планов Девлет-Гирея: завоевание с помощью турецкого султана русской земли, пленение Ивана IV и его сыновей и увод их в Крым, захват «*великой казны*», из которой султану будет выдана «*чудовищно большая сумма*». Девлет-Гиреем «*города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе, какую кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и со всеми мурзами займет Русскую землю*» [22.58, 60, 61].

Уверенность хана в успехе дошла до того, что он уже считал себя государем всей Руси и собирался в своей будущей державе, которая бы включала Казань и Астрахань, организовать новую торговую систему. «*На другой год (1572 год – А.Д.) хан опять пришел из Крыма, чтобы захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Рязань и Астрахань и торговали там безошлинно, ибо он царь и государь всея Руси*» [22.11-112, 115].

Девлет-Гирей

Эти широко идущие планы косвенно подтверждаются тем фактом, что в составе войска Девлет-Гирея в 1572 году будет значиться некий «астраханский царевич».

Основным объектом нового крымско-татарского удара вновь была Москва. Это вполне очевидно из русско-крымской дипломатической переписки. Нападение 1572 года в ряде русских источников оценивается как поход на Москву, хотя военные действия развернулись лишь на подступах к ней.

«А приехал царь Крымской к Москве» [14.119].

Для нового нападения на Россию Турция и Крымское ханство мобилизовали значительные силы.

– «с ханом, его сыном, внуком, дядей, воеводой Дивей-мурзой» [14.119];

– «со всеми силами своими бусурманскими» [9.287];

– «со многим воинством» [23.92];

– «и с иными прибыльными людьми» [16.510];

– «со многими людьми» [16.730];

– «собрався с царевичи со многими крымскими татары. С ними же и ногайских татар с мурзою их Керембердеем двадесять тысяч, к тому имяше семь тысяч турских янчаров, присланных в помощь себе от Махомеда везиря турскаго» [10.139].

Все это придавало событиям 1572 года особенно угрожающий характер. Современникам казалось, что наступают страшные времена Батыя: *«изыде, яко лев рыкая, на Московское государство, и разверзи лютыя челюсти своя безстудно течаше, хотящи до конца потребит его»* [10.139].

«На берегу». Подготовка к битве

В такой сложной обстановке в 1572 году шла подготовка к отражению нового вторжения Девлет-Гирея.

Оборонительные укрепления

Подготовка к отражению нового нашествия началась сразу же после нашествия крымчан в 1571 году. Еще в ходе своего пребывания в Новгороде, Иван Грозный, по сообщению Дж. Горсея, «...имея среди сопровождавших митрополитов, епископов, священников, главных князей и старинную знать, послал за ними и созвал их на царский совет...» [39.191]. Вероятнее всего, на этом совете был принят план первоочередных мероприятий по укреплению обороноспособности страны и подготовке к новой военной компании.

Продолжалась разработка и осуществление системы оборонительных мероприятий. Начало этому было положено еще в январе-феврале 1571 года, а в октябре по указу Ивана Грозного князь Михаил Воротынский, стоявший еще с 1 января 1571 года во главе пограничной службы, «с товарищами» «приговорили», из каких украинских городов, когда, куда и какими силами «на поле ездити и поле жечи». Пожог степи должен был охватить огромную территорию от верховьев реки Вороны до Днепра и Десны [1.15–17; 25.20–21].

С 1 апреля 1572 года стала действовать новая система пограничной (сторожевой и станционной) службы, при этом учитывался опыт борьбы с прошлогодним нападением Девлет-Гирея. Благодаря хорошо организованной разведке русское командование было своевременно поставлено в известность о движении Девлет-Гирея и его дальнейших действиях, что способствовало успешному проведению операций по разгрому вторгшихся вражеских полчищ.

Быстро шло строительство и совершенствование военно-оборонительных сооружений, в первую очередь расположенных на большом протяжении вдоль Оки «на берегу». За Окой татары встретились еще с одним важным элементом русской обороны – Гуляй-городом, передвижным деревянным укреплением. Сведения об организации полевых оборонительных сооружений подтверждаются и грамотой Девлет-Гирея к Ивану Грозному, датированной 23 августа 1572 года. В ней хан писал, что «наши приход проведав, на Оке на берегу хворостом зделали двор, да около того ров копали, и на перевозе наряды и пушки еси оставив, да и рать свою оставил». По мнению Девлет-Гирея, эта подготовка проводилась в течение ряда месяцев (русские «маялись месяцы три и четыре приходу нашему») [26].

Укреплялись города, например Волхов и незадолго до того основанный Орел [33.115]. 22 декабря 1571 года П. Волконский и Е. Ржевский были направлены в Перемышль «делати засеку» [26]. Вероятно, к этому времени относится начало укрепления пологих берегов Оки около города Серпухов. Это были тройные ряды свай, заостренных кверху. Их остатки были заметны еще в начале XIX века [41.100].

Особое внимание уделялось Москве. «Он отправил из всех городов своего Государства лучших купцов, ремесленников и промышленников селиться в Москву, строиться там и привлечь туда торговлю; освободил их от всяких налогов и пошлин» [4.11]. Она восстанавливалась, застраивалась, готовилась к осаде, начался ремонт укреплений, шедших по линии современного Бульварного кольца. Это была третья внешняя линия укреплений Москвы, помимо стен Китай-города и Кремля. Был возведен вал шириной в три сажени с бревенчатыми воротами, обложенными землей и дерном, перед валом снаружи рва не было. Царь «послал семь тысяч каменщиков и работников обнести Москву крепкою и красивою каменной стеною» [4.11].

Своеобразно проводилось заселение Москвы. Известно о выводе из Новгорода в Москву в октябре 1571 года купцов («*гости веденья*») – из «*земщины*» сорок семейств, а «*из опришной стороны*» шестьдесят семейств [14.110–111]. Перевод новгородских купцов следует рассматривать, очевидно, не только в плане проводимых Иваном Грозным внутри-политических карательных мер. Он проводился также с целью усиления обороны Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.